* * *
Текли облаков вереницы,
Успев над землёю всплакнуть,
Две странницы, белые птицы,
Держали неведомый путь…

Одна, рассекая туманы,
Прощально забыв о земном,
Спешила в родной, долгожданный,
Небесный отеческий дом.

Но грустно с небес озирая
Покинутый сумрачный лес,
Печалилась птица вторая,
Крылатая гостья небес.

Не рада высокой свободе,
Храня притяженье земли,
Где зло окаянное бродит,
О битвах поют ковыли…

Одну разделили дорогу,
Одной высоты торжество:
Одна – устремлённая к Богу,
Другая – к творенью Его.

БУРЛАКИ
Мне кажется порой, что я – бурлак,
И лямка до кровей натёрла плечи,
И новый груз, будь он хоть и пустяк,
Не потяну… И оправдаться нечем!

Но нет – тяну!.. пусть сердцу горячо,
Мужичьей кровью набухают вены,
Ведь рядом тоже – сбитое плечо,
И передышки нет, и нет замены…

Мы тянем лямку испокон веков,
И под босой ногою камни колки –
Втоптан в грязь
наш рушник домотканый –
Баба Анна его соткала,
Гладью вышила бабушка Ганна,
Так в руке и мелькала игла!

Красный угол, где теплились свечи
И лампадки сиял огонёк,
Осквернила нацистская нечисть –
Божья заповедь им невдомёк.

Чужаки здесь бредут по дороге
Безо всякого чувства вины –
И от зрады, и от перемоги
Очумевшей от злобы страны.

Но я верю, что злая крамола
Скоро схлынет, как зябкий дурман,
В том краю, где мне дідко Мыкола
Так же дорог, как дед мой Иван…

БИТВА
Вóроны слетаются на пир…
На полях былинной русской славы
Снова мы встаём за целый мир
Против чёрной нечисти кровавой.

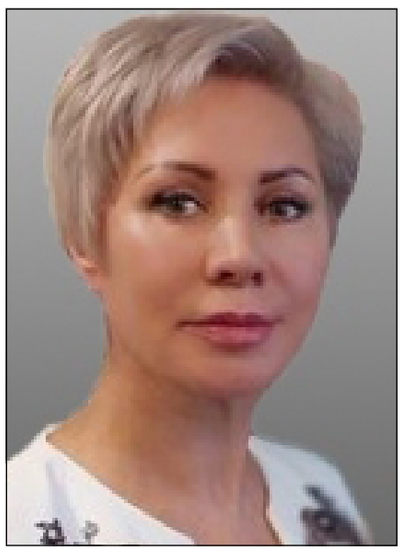
Каркают… Вестимо – их черёд
Осквернять могилы и молитвы,
Но грозой вскипает небосвод,
Словно продолженье грозной битвы.

Не кружи напрасно, вороньё,
Чтобы сердце выклевать герою,
Бьётся за него теперь моё,
Наполняясь грозовою кровью.

И течёт она по венам строк,
Закаляясь в огненной стремнине,

Нина ПОПОВА

Но не дарит родства мрак неоновых зорь…



Двужильные потомки бурлаков,
Чей стон плывёт
по матушке по Волге…

Истерзанные солнцем и дождём,
И взглыбьями, и мелью,
и стремниной,
Мы всё равно
до пристани дойдём,
Не бросим баржу отчины родимой!

* * *
Босоногого, светлого детства
Затерялись родные следы…
Больше памятью тут не согреться:
Отчий край стал приютом беды.

Здесь, бывало, подойники пели,
Молоком наполняясь парным,
А теперь здесь двуногие звери
Мародёрят по хатам чужим.

Чтобы знали Запад и Восток –
Мы за Русь стоим на Украине.

ПИСЬМО БРАТУ
Далеко-далече, на краю отчизны,
Где давно по правде
отзвенели тризны,
Где родник усталый
задремал в колодце,
Брата позовёшь ты –
брат не отзовётся…

Мухами засижен злат-оклад иконы,
Хата покосилась,
кривде бьёт поклоны.
Царское корыто просит дура-баба –
Видно, аппетиты выросли не слабо!

На пороге осень – урожая нету:
Колос пуст да горек,
не налился к лету.
Хоть и похвалялся
пахарь горделивый,
Были изначально семена червивы.

Лютые морозы заждались атаки,
Бурею вскипает небо цвета хаки.
Кутаешься зябко ты
в жупан соседский,
Выкинув на свалку
ватничек советский.

Наплевал в колодец –
вот и пей водицу!
А пошёл на брата –
гнись под заграницу.
Позабыв, что вырос
ты в славянской зыбке,
Дьявольскую цену
платишь за ошибки…

Эх, судьба-судьбина,
не журысь угрюмо,
Підманули думки –
время думать думу!

* * *
Вот и снова Москва
и привычный комфорт,
Позабыты мошка,
комариный эскорт…
Краше города нет!
Но струит небосклон
Не закат, не рассвет, а лукавый неон.

Вот рвануть бы скорей
да на волжский простор,
Где степной суховей
заведёт разговор.
Пусть зудят комары –
мне они нипочём!
До рассветной поры
ходит месяца чёлн…

Я по млечной волне на челне уплыву,
К неземной тишине прикоснусь наяву.
И на лунную нить наживляя прибой,
Буду звёзды ловить с высоты голубой.

…Всё сильней и больней
крутит время назад
Ностальгии моей золотой звездопад…
Ты прости мне, Москва,
эту боль, эту хворь,
Но не дарит родства
мрак неоновых зорь!..

* * *
Дышит жаром земля,
И царит суховей,
Серебро ковыля
Вьётся в косах степей.

Тает знойная зыбь,
Словно лёгкий дымок,
Мне бы Волгой уплыть,
А куда – невдомёк…

Мне бы иволгой спеть
О заветном былом,
Чтоб кленовая медь
Полыхнула костром.

А ковыль и трава
Подпевали бы мне,
Чтоб рождались слова
В златорудном огне.

На крутом берегу
Стать бы небу под стать,
Чтоб на лунном лугу
На светилах гадать.

Росстань дальних дорог
Под высокой луной
Среди сотен тревог
Путь укажет земной…

* * *
В июле обильные росы
Под ноги стремятся упасть,
И песня парит над покосом,
И верится в счастье и страсть.

Хорошее кажется близким.
Плохое… А есть ли оно?
И небо склоняется низко,
И месяц стучится в окно.

Но осень легка на помине
С пригоршнями тающих звёзд,
Она добавляет рябине
Горчинку в беспечную гроздь…

ПЁС
Сельская помойка. Пёс грызёт объедки,
А совсем недавно жил он у соседки…
Как его любила бабушка Полина!
А теперь он, видно,
лишним стал для сына.

Не рискну погладить –
скалится зубасто:
Мол, ты кто такая?
Кость бросай – и баста!
И сверкнёт глазами –
вот жалеть не нужно!
Привыкать-то просто,
отвыкать натужно…

Он под хмурым небом коротает ночи,
И от свар собачьих
шерсть в кровавых клочьях.
Драный и блохастый,
не залает громко,
Пристально посмотрит –
кто ты, незнакомка?

Наша жизнь людская,
знамо, не собачья,
Но, бывает, выжить – та ещё задача!
Обойдут сторонкой
и скорей – под крышу:
Ничего не вижу… ничего не слышу…

* * *
Не зовите осень золотою,
Хоть такой и кажется она.
Позолота внешняя, не скрою,
Для меня тоской заражена.

И её помпезная гордыня
Далека от правды, словно миф,
За окном вдовой богатой стынет,
Ласковое лето схоронив.

Ваше восхищение лукаво
Тем, что скоро превратится в прах:
Золотая пышная оправа –
Видите? – ржавеет на глазах.

Не любуйтесь вы багряным лесом –
Почести напрасно воздаём:
Лес, осенним наполняясь стрессом,
Полыхает яростным огнём.

Даже элегические ласки
Бабьего осеннего тепла –
Это лишь печальные подсказки,
Что сгорело вешнее дотла.

Не люблю я, не люблю я осень,
Хоть на свет явилась в ноябре!
Холодок её амбициозен –
Иней на кленовом янтаре.

Пусть она романтиков чарует,
Разбросав по миру мишуру…
…Осень – ощущенье поцелуя
На разлучном ледяном ветру.

* * *
Тихая полночь ясна,
Выткано звёздами небо,
Вот показалась луна
Белой краюхою хлеба…

Дышат степные ветра
Горечью дикой полыни,
Призрачной песней костра
В гулкой предутренней сини.

Речка впадает в тиши
В млечное море, и снова
Шепчут реке камыши
Исповедальное слово.

Под серенады цикад,
В яблочной спелой истоме,
Грезит заброшенный сад
Счастьем несбыточным в доме…

Это ли не благодать?
Плавятся звёздные свечи…
Здесь так легко осязать
Миг быстротечный и вечность.

Видишь: в небе сверкают зарницы…

Станислав МИХАЙЛОВ

«ЛЕПЕСТОК»
Душу мне поразил «лепесток»,
Приобутый в заморские берцы,
Что мальчишку оставил без ног,
Что девчонку ударил под сердце.

Душу мне поразил «лепесток»,
Не природный, а рукотворный.
До такого додуматься мог
Только нелюдь с душонкою черной.

За черту заступил супостат,
Что ни в Бога, ни в черта не верит.
Догорает кровавый закат.
Человек превращается в зверя

Оставляет черты мизантроп,
Не считая себя виноватым.
Наследит… а потом хоть потоп…
Но ему не уйти от расплаты.

Не спасут ни моря, ни бугор,
Где бы смог супостат отсидеться.
Зачитают ему приговор
Над могилой убитого детства.

29.08.22

* * *
Удалые парни,
Рядом хлопцы гарни –
Русский с украинцем
Крепко обнялись,
Сыновей Бандеры,
Растоптавших веру,
Потерявших совесть,
Вместе бить взялись.

Бьют за пир кровавый,
Бьют за суд неправый,
Бьют за боль и слёзы
Жён и матерей.
За убитых в спину,
За детей безвинных,
Тех, что обернулись
Стаей сизарей.
Яркие зарницы.
Новые страницы –
Наступают братья,
Оставляя след.
Впереди дороги,
Впереди тревоги,
А на горизонте
Радостный рассвет.

4.07.2022

ДОНБАССКИЙ СОЛОВЕЙ
За околицей вечером росным
От больших городов вдалеке
Расплетает косички берёзка,
Ива волосы мочит в реке.

Бродят сумерки, тихо ступая,
Замирают, готовясь ко сну,
Вдруг ворвался, откуда не знаю,
Соловей, разорвав тишину.

Было видно,
что он не из местных:
У пришельца не тот антураж –
И мелодия здесь неизвестна,
Да и выговор явно не наш.

Узнаю этот выговор южный
(долго жил я в донецком краю).
– Почему же, скажи, почему же
Ты покинул обитель свою?

Мне в ответ
по лесам и по вспольям,
Пробирая насквозь, до костей,
Лился голос, наполненный болью
И слезами погибших детей.

Он поведал,
как щупальца свастик
Расползлись, всё опутав окрест,
Как мерзавцами
всяческой масти
Православный поганится крест,

Как снарядами землю утюжа,
Сносят мирные головы с плеч,
Как в родной
незатейливый суржик
Ворвалась иноземная речь.

Замерев, я молчу виновато
(Покаянье теперь без нужды),
Что уехал оттуда когда-то,
Не предвидя грядущей беды,

Что кровавой судьбы
не изведал,
Что могилы друзьям не копал.
Никого я на свете не предал,
Но винюсь, что, уехав, пропал,

Что встречаю другие закаты,
Выбираю иные пути,
Извините меня, ребята,
Соловей прилетевший, прости.

На колени вставая, винюсь я,
Что, уйдя
за вечерней звездой,
Лишь сегодня
в лесном захолустье
Повстречался я с вашей бедой.

В раздирающих душу руладах
Я военную слышу грозу,
А берёзка, стоящая рядом,
Плачет, молча роняя слезу.

Луч заката под эти мотивы
Поминальной свечою горит.
Словно русская женщина, ива
Перед Богом молитву творит.

По священной традиции давней,
Откликаясь на зов соловья,
Настоящие русские парни
Выступают за други своя.

Посмотри, беспокойная птица,
Время новые песни поёт.
Видишь: в небе сверкают зарницы,
Подымаясь, надежда встаёт.

Слышишь, гул орудийных мелодий
На дыбы поднимает поля –
То, дрожа и шатаясь, уходит
Из-под ног у пришельцев земля.

Пролагают дорогу к свободе
Наши парни в дыму и в огне,
И врага в исступленье приводят
Буквы «вита» и «зет» на броне.

Это внуки, достойные дедов, –
Наступает российская рать,
Чтоб священное знамя Победы
Никому не позволить попрать.

Подойду и певца успокою:
– Всё пройдёт, и война, и беда,
Ты вечернею мирной порою
Непременно вернешься туда,

В край степей и седых терриконов,
И на крылья весну принесёшь,
И вечерней порою влюблённым
Ты ещё свою песню споёшь.

Но в другую без боли и муки
Ты талантом и сердцем вложись,
Чтоб поверить заставили звуки:
Смерть ушла, продолжается жизнь…

Отряхнув обгоревшие крылья,
Встрепенулся он, встав на крыло,
А прошедшее огненной пылью
За пришельцами в небыль ушло.

ОБРАЩЕНИЕ УБИТЫХ ДЕТЕЙ ДОНБАССА К СОБСТВЕННЫМ УБИЙЦАМ
Мы жили на земле своей,
Теперь – за облаками.
Мы, души маленьких детей,
Вчера убитых вами.

Вы никогда
не знали нас.
Тогда вопрос:
за что же
Многострадальный
наш Донбасс
Решили уничтожить?

Зачем, зачем
пришли в наш дом,
Нас обрекли на муки,
Чтоб этим
хвастаться потом,
Довольно потирая руки?

Мы ясно видим
ваш финал:
В нём псевдодоброхоты,
Вам обещая пьедестал,
Подводят к эшафоту.

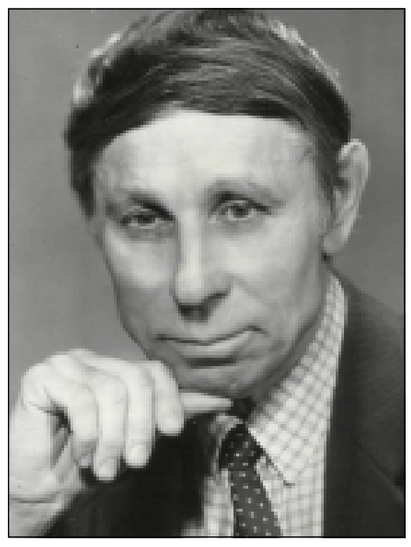
Диктуют правила игры,
Ваш путь определяя,
Суют ножи и топоры,
Разбой благословляя…

Язык по-взрослому суров –
Ведь мы ушли из детства
И никогда от этих слов
Вам никуда не деться.

Чтоб не гуляла
смерть окрест,
Пора остановиться,
И мы взываем
к вам с небес:
Опомнитесь, убийцы!

* * *
Три вестника пронзили времена
От сотворенья мира вестью новой.
И первая, что Богом рождена
Душа живая, свет её и слово.
Вторая весть погибельным грехом
Напоена лукавым, как отравой,
О том, что плоть превыше, и о том,
Что человек и Бог сравнимы славой.
И третий вестник мира – человек.
Земную плоть и душу неземную
В себе возжаждал примирить навек,
Но весть несет ошибку роковую.

* * *
Вот уже облетают деревья,
И траву серебрят холода.
Приумолкла, притихла деревня,
Потянулись жильцы в города.
В палисадниках астры тоскуют,
Что не видит никто их красу.
В запоздалую пору грибную
Никого не увидишь в лесу.



Николай БЕСЕДИН

Я русский поэт тех грядущих времён…

На валёжнике сохнут опята.
Белый гриб задремал на тропе.
Россыпь ягод горит в два карата,
Мельтешат пауки в ворожбе.
Зимний сон меж ветвями витает
Над молчаньем уставших полей.
И котёнок беспечно играет
У забитых на зиму дверей.

* * *
Я русский поэт уходящих времён.
Пускай на земле все живущие братья,
Но я – сын России. Я Русью крещён.
Я – Бога творенье, любовь и проклятье.
В рассветных лучах растворяется путь.
Вокруг всё так грустно и так молчаливо.
Сейчас бы, как в детстве, упасть и уснуть,
И так же, как в детстве,
проснуться счастливым.
Придёт ли с ветрами заветная весть,
Что в русское поле вернулась надежда,
Что дали наполнила пахаря песнь,
Что свет засветился,
где тьма была прежде.
Пускай нам дорога ещё не ясна,
Но юность уже расстаётся со старой.
На русской земле заблудилась весна,
Но не растеряла небесного дара.
Надеждой неведомой дышит простор,
Как после болезни, тяжёлой и долгой.
Сжигает тревожные думы костёр,
Редеет туман, горьковатый и волглый.
Я верю, что слово опять возродит
И русскую правду, и русскую силу.
И будет стоять, как веками стоит,
Великая Русь во спасение миру.

Я русский поэт тех грядущих времён,
Когда на земле люди станут, как братья.
И верой в бессмертье Руси осенён,
Я злу и погибельной силе проклятье.

* * *
Издревле повелось:
терпите и воздастся.
Но беспощаден мир, и ветер века крут.
И рушится любовь,
семья и государства,
И силою молитв из пепла восстают.
Устав читать, монах
к утру закроет келью,
Погаснет в храмах свет, остынут алтари.
Но мать поёт, склонясь
над детской колыбелью,
И в небеса опять взмывают сизари.
Кто скажет, где предел
у русского терпенья?
У мёртвых деревень, у работяг спрошу,
У выжженных лесов
и у полей весенних,
В рыбацкой гавани прогнившую баржу.
Всё так переплелось
и так необъяснимо!
Гуляет молодость
над прахом прошлых лет.
И над избой крестьянской
тает струйка дыма,
И согревает ночь неодолимый свет.
Таинственные сны зовут меня и мучат,
И голос слышится, спокоен и суров:
«Любовь, одна любовь
прощать тебя научит,
И не прощать вовек научится любовь».

* * *
Когда наступит ясность «декабря»,
И просветлеет небо над полями,
Россия вдруг увидит за холмами
Другую даль, по правде говоря.
Господ корпоративные пиры,
Хмельная удаль рыночной дороги
Пройдут, как хворь. И горизонт убогий
Откроет смысл шутовской игры.
О, как я часа этого боюсь
И жду его, как путник перевала.
В который раз попробуем сначала,
В который раз, доверчивая Русь.

* * *
Покидают птицы города –
Воробьи, синицы и сороки,
Не находят место для гнезда
Средь бетонов мрачных и высоких.
Покидают древний свой приют,
Оставляя нас в плену прогресса.
На рассвете песен не споют,
Не напомнят волхованье леса.
Улетают в рощи и поля,
Там, где милосердная природа,
Где осталась вольная земля
Для всего пернатого народа.
И когда отчаянно в любви
Станет одиноко и тоскливо,
Мне не прощебечут воробьи,
Что однажды буду я счастливым.

* * *
Ветер качает и треплет деревья,
Стылую морось бросает в окно.
Лошадь понуро стоит у харчевни,
Крутится, крутится веретено.
Щами дохнуло из глиняной миски,
Светлые лица глядят со стены.
Вот и закончился путь мой неблизкий,
Вот и сбылись мои вещие сны.
Милая Родина! Радость высокая!
Сколько бы ни было горестных лет,
В роще кукушка по-прежнему «окает»,
Пахнет похмельем осенний рассвет.
Дров наколоть и воды из колодца
Старым ведром до краёв зачерпнуть…
Что же кукушке так долго неймётся,
Или ещё не окончился путь?

* * *
Ах, эти свадьбы, свадьбы эти!
Их примелькавшийся обряд:
На джипах розовые ленты,
И куклы весело глядят.
Вот их выводят – посмотрите,
Какую кралю в жёны взял!
И мы совсем не лыком шиты,
А в самый модный матерьял.
Машина, плавно тронув с места,
В июльский полдень поплыла.
И на стекло фата невесты,
Как будто изморозь, легла.

* * *
Верба склонилась над тихой рекой.
Медленно воды текут по равнине.
Шёпот нечаянный: «Присно и ныне
Кто-то с небес обронил надо мной.
«Ныне и присно», сейчас и всегда.
Сонное поле и трель жаворонка,
С мамой щебечущий голос ребёнка,
Первая в небе вечернем звезда.
Тонет во мгле торопливость дорог…
Родина! Что-то опять не сложилось.
Ты ль не работала, ты ль не молилась,
Не отдавал последний кусок?
Встретит, как давнего друга, вокзал.
Дай, исцелитель,
как прежде, лекарство:
В русском убранстве
живые пространства,
Те, что от века мой род завещал.
Рощи излечат, моря возвратят
Силу упругую, даль неподвластную,
Душу омоет мне зорюшка ясная,
И отрезвит над Сибирью закат.
Чашу дорожную выпью до дна,
Горькую, неистощимую чашу.
В дом возвращусь.
И картинки раскрашу
В радостно-светлой палитры тона.

* * *
Если верить ему, если верить ему –
Старику, что проходит
под окнами поздними,
То наверно затем и придумали тьму,
Чтобы мог он гулять
с фокстерьером под звёздам.
Он идёт, каждый шаг примеряя к земле,
Голова его поднята, словно у маршала,
В такт качается торс,
так, как будто в седле
Он сидит, объезжая войска
между маршами.
Этот странный старик
с фоксом на поводке
Никогда, никогда
не посмотрит на встречного,
Словно ждёт он мгновенья, когда вдалеке
Зов упрямый послышится
времени вечного.
Он приходит оттуда, где встала стена
Очень старого дома, готового к сносу,
И её так легко закрывает спина
Старика, словно он
трёхметрового роста.
Он приходит оттуда, где уличный свет
Пробивается
правильной формы квадратом.
Он приходит один.
Но мне кажется: вслед,
Вслед за ним неотступно
шагают солдаты.
Бросив сильные пальцы за борт пиджака,
Он проходит под взглядом
зашторенных окон.
Я боюсь, я боюсь иногда старика,
Я боюсь его глаз, его взгляда высокого.
Но когда у меня дел и мыслей разброд,
И душа не находит опоры и веры,
Я с таким облегчением слышу: идёт
Тяжело и упрямо
старик с фокстерьером.

«ЗАВТРАК» ВЕЛАСКЕСА
Что ж, привет, старина!
Сколько раз под звездой Козерога
Наших дней исчезала дорога,
Сколько раз возникала она!
Где-то в дальних глубинах души,
Где века как мгновенье распада,
Там горит благовонно лампада
Под готическим сводом в тиши.
Там в раскосых татарских очах
Опрокинулся день под Рязанью,
Там язычник идёт на свиданье,
На поломанных гуслях бренча.
Как во сне неотступно встаёт
Терпкий сумрак севильской харчевни,
Где за окнами воздух вечерний
Густ и сладок, как липовый мёд.
Там на стенах висит ветчина,
И вино колобродит в бочонках,
Там моряк обнимает девчонку,
И пред страждущим чаша полна.
Ты налей мне вина. Пусть потом
В долг запишет корчмарь три галлона.
Да поможет святая мадонна
Совладеть с этим добрым вином.
Что века? Так уж было, поверь,
Кто-то взвешивал смерть и бессмертье,
Но весы так испорчены эти,
Что сам Бог не починит теперь.
Не узнать эту скорбную грань,
Что лежит между жизнью и прахом.
Ты смеёшься? Я тоже без страха
Вижу дней предзакатную рань.
Но когда-нибудь кто-то опять,
Жизнь земную прожив за мгновенье,
Вдруг почувствует то же смятенье,
Ту же вечного времени власть.